

Пролог

- Не тебе ли я молился, Господи? Не я ли на коленях перед тобой стоял и слезы лил?

Крупный мужик с косматой гривой черных с проседью волос стоял на коленях и бил кулаками в деревянный пол с такой силой, что икона в красном углу стала съезжать, лампадка под ней закачалась и замигала. Упал на пол один из вышитых нарядных рушников, которыми был украшен киот.

— Что ты, Тимофей! — бросились к неутешному вдовцу от дверей несколько баб. — Окстись! Ты бога-то не гневи!

Они громким шепотом увещевали хозяина дома и, истово крестясь, косились на покойницу, лежавшую прибранной на столе. Унять Тимофея, первого силача во всем Карачарове, было непросто. Они пытались уговорить его, плакали, мол, женушку уже не вернуть, но ведь и дальше жить надо, малолетнего Ивана поднимать. Но

мужик в очередной раз упал грудью на пол, пудовыми кулачищами ударил об пол, и полетела вниз икона, ударилась углом и легла прямо перед лицом Тимофея. Все замерли, как онемели. И только Тимофей смотрел на это знамение безумными от горя глазами.

Вскочив на ноги, он кинулся в дальнюю комнату, лягнул в темноте железом и выбежал назад, держа в руках обнаженный меч, который уже почитай лет десять не брал в руки.

Ужаснулись соседи и родичи, пришедшие с покойницей попрощаться, отшатнулись кто к двери, кто к окнам. Видать, совсем Тимоша от горя умом тронулся. А Тимофей вдруг подскочил к иконе и совершил такое страшное, что многие с криками бросились вон из избы. Взмахнув мечом, он разрубил икону на две части. Разлетелись куски в разные стороны. Одна — под ноги соседям у двери, а вторая под стол, на котором лежала покойная жена.

Долго не могло успокоиться село Карачарово. Ползли слухи один страшнее другого. Кто-то говорил, что будто бы слышали трубный глас архангельский, кто-то видел, что на миг солнце потемнело и в красный цвет окрасилось. Но больше всего шептались у плетней да у колодцев старухи, что местная ведунья Февронья предрекла

СЕВЕРНЫЙ ВИТЯЗЬ

проклятие, которое падет на весь Тимофеев род по мужской линии. Что за такое богохульство Господь не даст во многих поколениях здорового мужского потомства. Будут теперь в этом доме бабы рожать убогих да больных.

Тимофей сидел на свежей могилке жены, постаревший, сморщившийся, как будто и не он это уже, а старец с припорошенной снегом головой. Он разглаживал холмик подсохшей землицы, выбирал и отбрасывал в сторону сухие травинки и камешки, тихо разговаривая с покойницей, будто она была рядом.

Он не видел, как от дороги, что тянулась мимо погоста к селу, петляя между могилками шли к нему трое. Худого тщедушного старика с длинной белой бородой вел за руку малец в драных портах и вылинявшей, не по росту рубахе, подпоясанной веревкой. За ними шел угрюмый бородач, детина — косая сажень в плечах, с серой полотняной котомкой за плечами.

— По здоровью ли, Тимофей? — тонким голосом осведомился старик, таращась в пустоту бельмами. — Слышал я, прибрал твою женку Господь.

— Чего тебе? — угрюмо осведомился Тимофей, незаметно смахнув тыльной стороной ладони слезу и поднимаясь на ноги.

— Поговорить, душу твою маятную облегчить. Чего же еще мне хотеть? Калики мы переходжие. Ходим, песни поем, былъ да сказки рассказываем, кому послушать охота. Слеп я, света белого не вижу. Бугрим немой: половцы ему язык отрезали, оттого он умом чуток тронулся. Но силушки в нем вдосталь, если кто обидеть странников захочет. Да Матюшка вот, поводырь мой. Славный малец, на гусях учится играть, травы всякие запоминает, хворь лечить уже умеет.

— Нет у меня с собой ничего, старче. Я бы подал вам, чтобы помолились о душе безгрешной, да с пустыми руками на погост пришел.

— Грех на тебе большой, Тимофей, — усаживаясь на траву, покачал сокрушенно головой старец. — Люди говорят, ты икону православную освященную мечом разрубил, на лик святой покусился.

— Не говори ничего, старче! — повысил голос Тимофей. — Без тебя все знаю. Моей душе гореть в огне, ей вину мою мучениями вечными искупать.

— Не о тебе моя кручина, раб божий, — сказал старец, положив подбородок на дорожную клюку. — Проклятье на весь твой род легло, бог накажет тебя через детей твоих, через внуков и правнуков твоих.

СЕВЕРНЫЙ ВИТЯЗЬ

Тимофей набычился, угрюмо опустил голову, но смолчал. Не о чем было тут говорить, да и не зачем.

— Только ведь не навечно оно на тебя легло, — заявил вдруг старец и поднял вверх коричневый худой палец с кривым ногтем. — Вижу я, Тимофей, вижу наперед, как оно все будет. От роду увечный, обделенный здоровьем вдруг станет на ноги, на боевого коня сядет, возьмет в руки булаву тяжелую и начнет крушить головы поганым и некрещеным, кто на землю русскую придет с черными помыслами. Защитит Русь-матушку, и от того прощение придет, и род ваш от черного проклятия освободится.

— Твоими бы устами, старче, да мед пить, — покачал недоверчиво головой Тимофей. — Было б так, я бы первый сел на коня да к князю Владимирскому отправился. На службу ратную, да и смерть бы в очищение с радостью принял.

— Нет, Тимоша, — грустно и очень ласково сказал старец. — Не то тебе на роду написано. Время тому еще не пришло.

— А когда оно придет, время это? — тихо сказал Тимофей и снова обратил взор на могилку жены. — Кабы и вправду знать, что нам на роду написано, так бы и беду стороной сумел бы обойти.

Он стоял и думал с горечью о словах старца. И снова непослушные — одна, другая — слезы побежали из его глаз. Поморщился Тимофей, пелена глаза застыла, смахнул ее снова рукавом и обернулся. И ни старца белобородого, ни поводыря его, ни немого Бугрима не увидел. Как и не было здесь калик. Тимофей перекрестился. А были ли они тут, или привиделось все?

Глава 1

Обоз из нескольких телег тянулся вдоль опушки леса. С десяток молодых половецких воинов, покрикивая и щелкая кнутами, пытались заставить идти быстрее пленных девок и баб с малыми детьми. Кнуты били по спинам и плечам, но уставшие и измученные полонянки не могли идти быстрее. Они лишь тихо плакали, вздрагивая от каждого удара, и туже затягивали у подбородка грязные платки.

Только одна из девушек не получала ударов плетью. Высокая, черноволосая, с быстрыми черными глазами, она единственная не казалась усталой и понурой. Зло стискивая зубы и поглядывая исподлобья на стражников, она то бросалась поднимать упавшую рядом бабу, то подхватывала на руки дитя, едва не угодившее под копыта половецкого коня.

— Ты мне нравишься, — со смехом бросил проезжавший мимо Асташ, старший из вои-

нов. — Я подарю тебя нашему хану. Будешь у него новой женой.

— Бабоньки, посмотрите, — пропустив мимо ушей слова Асташа, громко сказала черноволосая и показала в сторону небольшого холма.

В лучах поднимающегося над горизонтом солнца там виднелась фигура конного воина. Даже слепившее глаза восходящее солнце не мешало разглядеть, что воин был могуч, а конь его с широкой грудью и сильными ногами был под стать седоку.

Асташ прикусил губу и стал озираться по сторонам. За те дни, что обоз с добычей двигался к Дону, он много раз посылал посмотреть, не идут ли по следу ратники из русских весей, не появились ли поблизости княжеские дружинники. На их счастье, никаких русичей, никакой погони до сих пор не было.

— Каярат, — позвал Асташ, — возьми двоих да посмотри вблизи на этого конника. И если это только не Мангдышире¹ пришел испугать нас, свяжите его и притащите сюда на аркане. За

¹ Мангдышире — богатырь с железными руками, слуга верховного божества тюркских народов Тенгри.

СЕВЕРНЫЙ ВИТЯЗЬ

такого сильного пленника нам много заплатят на любом базаре.

Половцы засмеялись шутке своего предводителя. Набег был удачным, дома их ждут слава и почести. У кого невеста, а у кого-то старые родители ждут возвращения своего воина. И путь уже близится к концу. И этот одинокий всадник, несмотря на свою статью, не казался им таким уж опасным. Наверное, какой-то русский мужик отстал от своих, возвращаясь с заставы. Мужики из ополчения — плохие ратники. Они неуклюжие, медлительные, хотя силушки у них хоть отбавляй. За этого на базаре на берегу Сурожского моря хорошо заплатят.

Каярат с двумя воинами ринулся на незнакомца. Думая захватить его играючи, они даже не стали окружать богатыря.

Асташ махнул рукой, и обоз двинулся дальше. Но тут чернявая полонянка странно вскрикнула и стала показывать в ту сторону, куда ускакали половецкие воины. Измученные бабы остановились, половцы перестали подгонять их плетью и натянули поводья коней.

Один из воинов бросил аркан, но могучего вида всадник легко копьём отбил веревочную петлю и метнул свое оружие в наступавших.

Пронзенный копьем половец стал валиться набок, испуганный конь понес его в степь.

Закричавший грозно Каярат занес над русичем саблю, но страшный удар палицы свалил его вместе с конем. Животное с перебитым позвоночником забилось на земле, подминая под себя раненого седока.

Третий воин метнул копье, но могучий воин отбил его щитом. Бойцы сблизились, в воздухе сверкнул металл, и половец слетел с коня.

Страшно ругаясь и посылая проклятия русскому витязю, только что убившему троих его товарищей, Асташ приказал двоим воинам достать луки, а остальным скакать навстречу этому джаману¹ и изрубить его на куски.

Лучники рядом с Асташем натянули тетивы, но тут один из них вскрикнул и выронил лук. По траве покатился камень, только что ударивший его в шею между железной шапкой и кольчугой. Второй лучник обернулся в седле, ища врага, но следующий, умело брошенный камень ударил его в висок.

Разъяренный Асташ увидел, как черноволосая полонянка вкладывает новый камень в скру-

¹ Джаман, яман (др. тюрк) — негодяй, плохой человек.

СЕВЕРНЫЙ ВИТЯЗЬ

ченную из платка петлю. Пришпорив коня, он вскинул саблю и бросился на нее с яростным криком. Но натянутая бабами длинная веревка, которой они были связаны, попала коню под ноги. От страшного рывка попадали и полонянки, и сам Асташ вылетел из седла и полетел наземь. Не успел он подняться, как новый камень, пущенный твердой рукой, ударил его точно в голову.

Уверенные в своей победе, остальные половцы не видели, что происходит возле обоза. Сильный русич с густой черной бородой скакал им навстречу. Вот одно, потом второе брошенные в него копыта отскочили от круглого щита. Грудью своего коня богатырь опрокинул одного всадника, его палица поднялась и опустилась, нанося страшный удар второму воину. Третий половец занес было саблю, но русская палица, брошенная почти без замаха, проломила кочевнику грудь. Истекая кровью, хлынувшей изо рта, всадник застрял ногой в стремях, волочась за конем. Последний воин развернул коня и бросился наутек. Он не видел, как русский достал из колчана лук. Раскрытыми от ужаса глазами степняк смотрел на обоз, возле которого метались лошади без седоков, а тела Асташа и других воинов безжизненно лежали на траве. Короткий свист, и